

Георгий Скрипкин

МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ
ДЕБРИ

Георгий Скрипкин
Мыслительные дебри

«Издательские решения»

Скрипкин Г.

Мыслительные дебри / Г. Скрипкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902659-0

Это уже десятый сборник стихов Георгия Скрипкина. Они были написаны автором в 2017 году. Основные темы, затронутые автором в этом сборнике: любовь к малой и большой Родине, общение с природой, любовная лирика и стихотворения для детей.

ISBN 978-5-44-902659-0

© Скрипкин Г.
© Издательские решения

Содержание

Нотки дождя	7
Общение в интернете	8
Антицензурное искусство	9
Нежные воспоминания	10
Летний сад зимой	11
Разлука	12
Слякоть	13
Суть учебы	14
Мыслительные дебри	15
Щадящая зима	16
Кричит душа...	17
В глазах голубых...	18
Старческие метаморфозы	19
Иль наяву, или приснилось...	20
Песня древнерусская	21
Ах, зима, ты зимушка...	22
Странный Снеговик	23
Встреча с другом	24
Новый год в лесу	25
Телевизор лучше не смотреть	26
У пруда	27
Видение	28
Я к маме обращаюсь	29
Дворовая елка	30
Сестре	31
Родительские истоки	32
Давно я в парке не гулял...	33
Дружный отряд	34
Бабушкины блинчики	35
Вдыхая нежный аромат...	36
Душа поэта	37
Творческие планы	38
Бабушкин приезд	39
Жизненная новь	40
Скоро Новый год	41
Жертвенный год	42
Не жалуем живых...	43
Четыре дома у реки	44
Одинокая сосна	45
Песня скошенной травы	46
Отчего душа поет...	47
Ну, что за ночь...	48
Новогодний Петербург	49
Обращение к Зиме	50
Новый год пришел	51
Необычный Дед Мороз	52

Новогодняя бессонница	53
Питерское буйство	54
Пушисто-белый снег	55
Роль Дедушки Мороза	56
Голубое небо	57
Время новых мечтаний	58
Первая любовь	59
Ночное приключение	60
Как жаль, что первые стихи...	61
Святая амфора печали...	62
Две свечи	63
Рождественская горка	64
После праздника	65
Отшумели праздники...	66
Новая страница	67
Сон в зимнюю ночь	68
Лось и заяц	69
Как короток зимою день	70
Скорее в реальность	71
В пивную	72
Блажен, кто верует...	73
Удивительное начало	74
Воспоминание о лете	75
Доколь Земля носить нас будет?	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мыслительные дебри

Георгий Скрипкин

© Георгий Скрипкин, 2018

ISBN 978-5-4490-2659-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нотки дождя

Я с небом голубым хотел бы пообщаться,
но стаи облаков прикрыли небосвод.
Швыряются дождем с небесного ушата.
Меняется настрой от скучной песни вод.

И вдруг я услышал веселенькие нотки.
По крышам застучал ударник озорной.
Я взгляд свой уронил на праздничные шмотки,
и жажду захотел побаловать в пивной.

Общение в интернете

Вошел в интернет с настроением общаться,
но вышел до времени, злобы глотнув.
Общенью по-дружески не было шанса.
На правду прочел только ересь одну.

Меня оплевали бессовестной ложью.
Я словно ворвался в вонючий бордель.
Меня возмутило виденье до дрожи,
и я на свободу тотчас захотел.

Откуда скопилось в нас столько агрессии?
Куда подевалось зерно доброты?
Иль это издержки сплошного прогресса,
а, может быть, эхо людской маяты?

Антицензурное искусство

Сатира ниже плинтуса, а юмор ниже пояса.
Такие откровения навеяла печаль.
Читать иные опусы, сказать по чести, боязно.
На них антицензурная дешевая печать.

Кричат словами матными артисты и артистишки.
Бесстыдно оголяются сценарные шуты.
В обличье вседозволенном находят люди истину,
и этим разрушаются их добрые мечты.

А в том ли назначение искусства заключается?
Не рано ли схоронена всевышняя мораль?
Божественные ангелы страдают от отчаянья,
но хвастает величием пустопорожний враль.

Нежные воспоминания

Ложу я не смог усыпать лепестками роз,
но зато усыпал васильками.
В жизни не освоил прописную прелесть проз
и писал признания стихами.

Подбирал с волнением волшебные слова,
те, что западали прямо в душу.
И от этих слов твоя кружилась голова,
сердце билось вырваться наружу.

Нежно прикасался к озорному роднику
жаждой утомленными губами.
И до сей поры его прохладу берегу.
Память не состарилась с годами.

Летний сад зимой

Летний сад, прихваченный морозом,
поутих в декабрьские деньки.
Над земным пространством чайной розы
мельтешат из снега мотыльки.

Не струятся водами фонтаны,
Не сияют чаши серебром.
Коробов слепые истуканы
охраняют ценное добро.

В них хранятся древние фигуры,
в них содержат ангелов покой.
До весны зеленая натура
занеслась холодной рукой.

И стоит великий баснописец
с окропленной снегом головой.
Он про зиму что-нибудь напишет,
если ветра не ворвется вой.
Если в сад ажурная ограда
не пропустит происки Невы.
Пусть зимует Питера отрада
под зонтом небесной синевы.

Разлука

Самолет превратился в точку,
а потом и совсем пропал.
Жизнь порой не дает отсрочку,
отправляя любимых вдаль.

И разлука коварным гостем
отгрызает цветенье дней.
Ждать и верить совсем непросто
ни в делах, ни в душевном сне.

Пропадают на небе звезды,
и не греет от солнца луч.
И не спится порою поздней
в обрамлении пришедших туч.

Пусть обратно вернется точка
и появится самолет.
Перестань обходиться почтой,
ты же знаешь, любимый ждет.

Слякоть

Смотреть на жижу под окном
не хочется совсем.
Мелькают мысли об одном,
что я не нужен всем.

Стреляет серостью в меня
унылый небосвод.
А мне бы солнечного дня
с журчаньем вешних вод.

А мне б улыбки озорной
с задорного лица.
А мне б проказницы одной
с любовью до конца.

Но портит жижа под окном
невысохший пейзаж.
И превращает этим днем
стремление в пассаж.

Суть учебы

Полил цветы и высказал им все.
Верней, не все, а то, что наболело.
Полив цветы, я добрым сделал дело,
и этот труд был нужен и весом.

Но вот слова, сорвавшиеся с уст,
мое добро порядком подмочили.
Я подзабыл, чему меня учили,
пока не вырос долгожданный ус.

А суть учебы, в общем-то, проста —
сначала думай, а потом уж вякай
и, по возможности, не лай собакой
на шевеленье каждого куста.

Мыслительные дебри

Я зашел в своих мыслях в дебри
и из них не могу уйти.
Как же нужен сознанию дембель,
чтоб найти перекося пути.

Как же нужен душевный отдых
под прикрытием ясных дней.
Но долбают сомненья под дых,
и никак не собратся мне.

Перегибы из прошлой жизни
теребят воспаленный мозг.
Все ли сделал я для Отчизны,
и чего еще сделать мог?

И всплывают родные лица
из анналов небытия,
и грозит состояньем блица
непутевая жизнь моя.

Щадящая зима

Легкий морозец кусал незлобиво
нежные щеки твои.
Ты наблюдала морозное диво
в инее сонной хвои.

В синих глазах я прочел отраженье
радости нежный букет.
Как же легко быть в твоём окружении,
и не мгновений, а лет.

Как же приятно вдвоем погрузиться
в прелесть щадящей зимы.
И наслажденьем с тобой поделиться,
взяв у природы займы.

Кричит душа...

Кричит душа, куда-то рвется,
а я не в силах обуздать.
И в сердце гулом отдается
совсем не божья благодать.

И я с тоской кусаю локти,
боюсь в агонии пропасть.
А Пушкин смотрит исподлобья
на мной написанную страсть.

И я безжалостно сминаю
строкою пачканный дневник.
Писать по новой начинаю
сюжет не знавших света книг.

Писать безропотно придется,
успеть бы вовремя издать.
Кричит душа, куда-то рвется,
ее не в силах обуздать.

В глазах голубых...

В глазах голубых я намерен читать
счастливых томов бесконечность.
Ах, если б ты знала, как чудно листать
любовь, уводящую в вечность.

Листать осторожно, боясь надорвать
страницы подаренной книги.
Читать с наслаждением, пытаюсь сорвать
минувших томлений вериги.

И видеть улыбку в цветении глаз,
и чувствовать каждую клеткой
любовных творений волшебный экстаз,
и быть благодарным за это.

Старческие метаморфозы

Мгновенья не ценил, минутами швырялся,
неспешные года бездумно подгонял.
В реальность не вникал, соблазнам доверялся
и разумом своим со вкусом понукал.

И верил, никогда меня не сманит старость,
манерной сединой года не соблазнят.
Но свесилась на грудь коварная усталость,
и в лысой голове претензии шумят.

И я теперь ценю минуты и мгновенья,
спешащие года пытаюсь обуздать.
Стараюсь в небесах найти свое знаменье
и часть тревожных дум всевышнему отдать.

Иль наяву, или приснилось...

Иль наяву, или приснилось,
но только женская рука
в мою запазуху вцепилась
и приголубила слегка.

Не знал такого обхожденья
я с той поры, как поседел.
Но после данного виденья
запас мой страстный оскудел.

И удалилась восвояси
хозяйка похотной руки,
оставив томную гримасу
за состязанье в поддавки.

Песня древнерусская

Сколько удали несет
песня древнерусская.
Я спою ее сейчас
с перебором гуслиями.

Пропою я вам куплет
на манер былинника,
чтоб смогли вы разделить
с милой ночку длинную.

Чтоб душа смогла запеть
от любовных оханий,
чтоб игравшие в любовь
не казались лохами.

Славься милая земля
песней древнерусскою.
Не ходи, любовь моя,
на дорожку узкую.

Ах, зима, ты зимушка...

Ах, зима, ты зимушка, что ж ты горько плачешь?
Что ж с владыкой северным больше не судачишь?

Растеряла зимушка снежные заносы.
Притязанья осени безмятежно сносит.

Достает сердечную водная стихия.
На дожди осенние злиться не с руки ей.

Затаились под полом вьюги да метели.
И грустят без инея сосенки и ели.

Не владеет лужами корка ледяная.
О морозе зимушке сон напоминает.

Странный Снеговик

Легла снежинка на ресницы
и стала талою водой.
А хитроумная сестрица
легла на коврик ледяной.

На тот же коврик прилетела
снежинок целая семья.
Она всю ночь была без дела,
а утром встала ребягня.

Она слепила из снежинок
большой и статный Снеговик.
Но вместо носа был ботинок,
а вместо шляпы половик.

Смеялся он сосновой веткой,
смотрел единым угольком.
От взгляда маленькая Светка
скатилась с горки кувырком.
За взгляд дворовая собака
его облаяла слегка.
А дворник, вытащив лопату,
решил убрать Снеговика.

Встреча с другом

Садись за стол, приятель мой,
налей скорей бокал.
Прожив года, приятель мой,
тебе не все сказал.

В одном доме, приятель мой,
мы вместе родились.
В расцвете лет, приятель мой,
дороги разошлись.

И вот теперь, приятель мой,
сошлись наши пути.
Давай глотнем, приятель мой,
за жизнь, что позади.

За эту жизнь, приятель мой,
мы выпьем и не раз.
Сначала сад, приятель мой,
а позже школьный класс.
Потом глаза, приятель мой,
небес ласкала синь.
И ты служил, приятель мой,
Отчизне верный сын.

И я служил, приятель мой,
присягою влеком.
А в мыслях был, приятель мой,
родительский мой дом.

Держи бокал, приятель мой,
за дружбу будем пить.
За тех, что нет, приятель мой,
ну а могли бы быть.

Новый год в лесу

Стоит елочка в лесу,
снег ее украсил.
Я подарок к ней снесу
и устрою праздник.

Она здесь, недалеко,
возле нашей дачи.
Ей на лыжах с ветерком
принесу удачу.

Закружится хоровод
зимнею порою.
Пусть дивится небосвод
с вышедшей луною.

Будет елочка стоять
зим и лет немало.
Мы вернемся к ней опять,
чтобы не скучала.

Телевизор лучше не смотреть

Телевизор лучше не смотреть.
Сыплется из рога новостного
только то, что хочется реветь,
или то, где много наносного.

То потоп, то кризис, то террор,
то земля трясется от разрывов.
За укором слышится укор,
и брехня идет без перерыва.

Мне смотреть приятнее в окно,
явь не лжет, идет неторопливо.
И ласкают мысли об одном,
как же мы мудры и терпеливы.

У пруда

Светится под солнышком полынья в пруду.
С маленькой внучкою я к нему иду.
Нас заждалась уточек целая семья.
Две вкусючих булочки в сумке у меня.

Внучке очень нравится уточек кормить.
И глотают булочку утки в тот же миг.
Вот уже последняя булочка в руках.
И несутся уточки в сторону куска.

Шумно машут крыльями, норовят щипнуть.
И спешат попробовать крошку, хоть одну.
Не спешите уточки, мы еще придем,
вам побольше булочек в сумке принесем.

Видение

Вдали синеет горизонт
полоской из-под туч,
но будто море вдалеке
с цепочкой горных круч.
И не беда, что надо мной
готовятся дожди,
дышу я воздухом морским,
и вдаль готов идти.

Но убегает горизонт
с полоскою морской.
Душа скукожилась опять,
заполнилась тоской.
Противный дождь, набравшись сил,
по крышам застучал.
Меня по новой поманил
родительский причал.

Я к маме обращаюсь

Я к маме обращаюсь,
прошу меня простить,
за что и сам не знаю,
но все равно прости.

Быть может, в юной спешке
тебя не долюбил.
Считал в советах пешкой,
дерзил, что было сил.

Пытался оторваться
от мамина крыла.
Старался задержаться,
заели, мол, дела.

Не радовал звонками
и писем не хранил.
Считал, что сам с усами,
в ответах воду лил.
И вот теперь пытаюсь
свой локоть укусить.
Но даже и в мечтании
мне ласки не вкусить.
Я снова обращаюсь —
прости меня, прости.
И перед богом каюсь,
чтоб душу отвести.

Дворовая елка

Коснулся утренний рассвет
сонливой неги ночи.
Окрасил небо в белый цвет,
поземку напророчил.

С небес посыпалась крупа
из маленького снега.
По снегу хочется ступать,
а, может быть, побегать.

А чьи-то свежие следы
ведут к дворовой елке.
За мной пытаются следить
колючие иголки.

Я их сторонкой обхожу,
учтиво улыбаюсь.
Но не хватает терпезу,
я елочки касаюсь.
И не случилось ничего,
иголки не кололись.
И стало на сердце легко,
исчезло чувство боли.

Сестре

Поспи еще, моя родная,
лицо улыбкой озари.
Ты утомилась, ожидая,
предтечу утренней зари.

Я посижу у изголовья,
свое дыханье затаив.
Тебя укрою нежным словом,
лоскут печали удалив.

Пускай созвездие приснится,
где возгорит твоя звезда.
И только розовые птицы
на глади чистого пруда.

Родительские истоки

Где б ни был я, в каких краях,
вернусь к родительским истокам.
Там для меня любовь хранят
и не завидуют итогам.

Там лаской горница красна,
а в доме пахнет пирогами.
И будто вечная весна
лежит циновкой под ногами.

И песня русская звучит
над вкусом доброго застолья.
Душа от счастья голосит
и не торопится на волю.

Давно я в парке не гулял...

Давно я в парке не гулял
с моей игривою зазной.
До состояния озноба
ее давно не обнимал.

Умчалась осень с ветерком,
оставив сморщенные листья.
Природой подняты кулисы
с метелью, сдобренной снежком.

Настали зимние деньки,
убавив страстного нектара.
Мороз куражится не даром,
с подачи северной руки.
Но слишком долго ждать весну,
мы в парк по снегу возвратимся,
любовной страстью насладимся,
поделим ласку не одну.

Дружный отряд

Зеленых гусениц отряд
шагает по дорожке.
Но почему у всех у них
всего лишь по две ножки.

Идут цепочкою они,
держась за ручки крепко.
Как будто тащат из земли
огромнейшую репку.

Поверх одежды у детей
зеленые жилетки.
Они надежно их хранят
зимой, весной и летом.

Хранят и осенью златой
заметные жилетки.
Идет отряд по мостовой,
в нем милые трехлетки.

Бабушкины блинчики

Где бабушка, там блинчики,
которые хотим.
Без всякого приличия
мы блинчики едим.

Едим их со сметаной,
с вареньями едим.
Не ведая усталости
едим, едим, едим.

А бабушка довольная
на лавочке сидит.
Нам нежно улыбается
и весело глядит.

Улыбкой ободренные
едим еще по пять.
Животики наполнены,
желанья не унять.

Вдыхая нежный аромат...

Вдыхая нежный аромат кудрей твоих,
я обращаюсь с неизменной просьбой к богу —
дай наслаждение любовью на двоих
и не пускай судьбу – разлучницу к порогу.

Пускай хранит нас одинокая звезда.
Я не готов делить любовь со звездопадом.
Пусть видят нежность наши лучшие года
и наслаждаются, что мы с тобою рядом.

Душа поэта

Слова слетают с губ моих,
но их уносит в бездну.
Забился в угол нежный стих,
его не принял бездарь.

Скопилась рифма на столе,
в шкафу теснится проза.
Барьеры рынка одолеть
на практике не просто.

Смурное время блатников
не жалует поэтов.
Не скинуть бартерных оков,
но нужно знать об этом.

Душа поэта не поет
по чьей-нибудь указке.
Не удержать ее полет,
не суетись, будь ласка.

Творческие планы

Слякоть попусту стремится
в душу заглянуть.
Пусть над пяткою глумится
весь недолгий путь.

Доберусь я до сокровищ
снежной белизны.
Мы с зимой друзья по крови,
слуги новизны.

Постучусь стихом в калитку
зимушки – зимы.
Завернусь в ее накидку
до самой весны.

Буду снежные комочки
в солнышко метать.
А слепив смешные строчки,
буду их читать.
Дочитаюсь до цветенья
высохших деньков
и познаю возрожденье
парков и садов.

Бабушкин приезд

Дочка кашлять начала,
кашляет с надрывом.
Мама в сад не повела,
мечется пугливо.

Что за странная болезнь
завелась у дочки?
Нужно срочно в шкафчик лезть
и достать примочки.

Но раздался у дверей
звонкий колокольчик.
Открывайте поскорей,
кто-то в гости хочет.

В гости к внученьке пришла
бабушка родная.
Ей варенья принесла
и другие наки.
Сразу кашель отступил,
смех в доме раздался.
Стала внучка, что есть сил,
с бабушкой ласкаться.

Жизненная новь

Голос твой журчит над лугом,
рвется в небосвод.
Стала ты мне милым другом
без никчемных квот.

И дарю я безвозмездно
уж не первый год
счастье, давшее надежду,
и желаний свод.

А за это получаю
нежную любовь,
и души в тебе не чаю,
вот такая новь.

Скоро Новый год

До елки новогодней
осталось десять дней.
Досадно от погоды,
обидно за людей.

Раскисла под ногами
промокшая зима,
куражатся над нами
иль серость, или тьма.

Расставленные елки
надеются на снег,
ощерили иголки,
а снега нет и нет.

Пойду-ка к Дед Морозу,
попью-ка с ним чайку.
Возьму с собою прозу,
на рифму намекну.
Поэзией расслаблю
владыку снежных бурь.
Спасет он нас от хляби,
украшит нам судьбу.

Жертвенный год

Лимит на слезы иссякает,
а жертвы множат без лимита.
Год високосный продлевает
потуги смертного гамбита.

Он любит жертвоприношенья.
Он видит в них источник силы.
Ему не свойственны прощенья,
он ставит фишку на насилье.

Он гложет жертвы без аншлага,
бросает их с небесной сини.
И тень приспущенного флага
лежит над плачущей Россией.

Не жалуем живых...

Не жалуем живых, умерших прославляем.
Глумимся над творцом, потворствуем дельцам.
Печальный вид хибар порой не замечаем
и почесть воздаем вельможистым дворцам.

Россиюшка моя, стряхни вчерашний мусор,
протри над головой заляпанную синь.
Наполни небосвод торжественностью музык
для тех, кто в данный час радеет о Руси.

Четыре дома у реки

На косогоре у реки стоят четыре дома.
Они взирают сверху вниз глазами пустот.
Я осторожно подхожу к предбаннику пустому
и натываюсь на пейзаж из разных нечистот.

Когда-то здесь пылал огонь, ольхой топилась банька.
Сначала женщин тешил пар, потом уж мужичков.
Исправно парил мужичков пастух, что звали Ванькой.
Да и по женщинам пройтись наш Ванька был готов.

Но соблюдалась на Руси давнишняя зарока,
что в той деревне, где живешь, по бабам не гуляй.
А то по свету разнесет известие сорока,
тогда для скорого суда загривок подставляй.
Четыре дома, и детей для каждого с десятков.
Бежал по склону до реки их развеселый гвалт.
Там детство мазалось в грязи от головы до пяток,
но как легко такую грязь водою отмывать.

И вот теперь стоят дома, помятые годами.
Тропинки, звавшие к домам, травую заросли.
Играет солнце по утрам с росистыми слезами.
И я спешу скорей уйти с заброшенной земли.

Одинокая сосна

Стоит сосна, зажатая домами.
Когда-то здесь шумел сосновый бор.
Сюда с дружкой ходили за грибами.
Здесь ждали нас маслята на подбор.

Здесь в ранний час малину собирали,
взахлеб дышали запахом хвои.
Над нами птицы дивные летали,
хвалились трелью наши соловьи.

И вот теперь, зажатая домами,
стоит сосна с поникшей головой.
И от тоски обшарпался местами
ее усохший, одинокий ствол.

С моей груди проклятия не рвутся,
и, может быть, строения нужней.
Но только жаль, что с памяти сотрутся
картинки тех, сосновых витражей.

Песня скошенной травы

Под шелест скошенной травы
пришли слова веселой песни.
И под прищмотром синевы
мы те слова запели вместе.

Дивился солнечный простор
на двух счастливых человечков.
А рядом пел сосновый бор,
быть может, что-нибудь о вечном.

И мы запели в унисон,
купаясь в ласковости ветра.
И стаи птиц со всех сторон
слетались в тень сосновых веток.

Отчего душа поет...

Отчего душа поет, если небо плачет,
если ветер задает вид на неудачу?
Потому что жизнь моя связана с любовью.
А любовь, как говорят, не подвластна сбою.

А любовь моя чиста, как слеза ребенка.
И в ненастные деньки не стоит в сторонке.
Оттого душа поет и глаза лучатся.
Подходи честной народ, дам кусочек счастья.

Ну, что за ночь...

Ну, что за ночь, ну, что за ночь.
Порыва чувств не превозмочь.
Биенье сердца не унять.
Какая в ласках благодать.

Копилку страстную открой.
Займись любовною игрой.
Не отводи лукавый взгляд,
дышать тобой я очень рад.

Пускай глядит на нас луна,
возможность богом ей дана.
Прими мой сладкий поцелуй
и допьяна меня целуй.

Проныра – вредный звездопад
в игру вмешался невпопад.
Желаний всплеск умчался прочь.
Ну, что за ночь, ну, что за ночь.

Новогодний Петербург

Невский, в праздничном убранстве,
залит светом в вечеру.
Он с особым постоянством
приглашает на Неву.

Разноцветные гирлянды
нам указывают путь.
Новогодние желанья
взять с собою не забудь.

Подивись пушистой елке
у Гостиного двора.
Там играет без умолку
озорная детвора.

Только елка на Дворцовой
и главнее, и важней.
Дед Мороза нос пунцовый
и солидней, и видней.
Бородою он полощет,
приглашает в хоровод.
Потому на эту площадь
собирается народ.

Обращение к Зиме

К Зиме я обращаюсь – добавь еще снежку.
Веселья не хватает на невском бережку.
Откуда взять веселость, когда растаял снег,
когда холодный ветер ускорил свой разбег.

Разносит по округе оттаявшую пыль,
не нравится, зануде, детей задорный пыл.
Не нравится, что светят на елках огоньки,
что наши пожеланья на праздник высоки.

Как хочется со снегом увидеть Новый год,
чтоб снежная Снегурка водила хоровод.
Попробуй расстараться, расщедрись белизной,
а мы тебя уважим напевной новизной.

Новый год пришел

Бой курантов, шампанского брызги,
перевернут последний листок.
Фейерверки с надрывом и визгом
освещают всеобщий восторг.

Новый год приступил без стеснения
к заполнению праздничных дней.
Кто-то просит грехов отпущенье,
кто-то хочет еды повкусней.

Я прошу хоть немножечко снега
у промокшей до нитки зимы.
И с надеждой взираю на небо
в толчее озорной кутерьмы.

Отражаются сполохи света
на зеркалах пустых облаков.
Я опять остаюсь без ответа
и с подмокшей гирляндой стихов.

Необычный Дед Мороз

Дед Мороз пришел к нам в дом,
и Снегурочка при нем.
Он с порога рявкнул – Здрасте
и поведал про напасти.
А потом как закричит,
да ногами застучит.
Почему погасла елка?
Отчего не видно волка?
Я вам Дед или не Дед?
Где заслуженный обед?
Мы, конечно, растерялись
и с обедом задержались.
Развязал он свой мешок
и озвучил нам стишок —
Если вкусовостей не будет,
он нам елочку загубит.
А без елочки никак,
вот такой ваш Дед мастак.
Испугались не на шутку
и сварили Деду утку.
Он ее со вкусом съел
и немного подобрел —
Елку я валить не буду,
а вручу вам чуду-юду.
Очень наглое оно,
его в дверь, оно в окно.
Он на этом распростился,
взял мешок и удалился.
И теперь мы вчетвером
с этим чудищем живем.
Но об этом новый сказ
и, конечно, не сейчас.

Новогодняя бессонница

Снег по новой закружился
над притихшею Невой.
Дед Мороз угомонился,
он теперь приятель мой.

Щиплет щеки незлобиво
и кусается слегка.
Все вокруг бело, красиво,
знай, катай Снеговика.

И ночная канонада
мне проблем не создает.
Зимний праздник, то, что надо,
он с бессонницей идет.

Фейерверки освещают
сотни тысяч добрых лиц.
Новый год в ночи шагает
и не ведает границ.

Питерское буйство

Завалил пушистый снег
буйство питерского братства.
Бог еще не наблюдал
вот такого святотатства.

Запускались в небеса
разноцветные шрапнели.
И просились с детством в пляс
даже праздничные ели.

Дед Мороз с большим мешком
раздавал подарки людям.
Мы о щедрости такой
никогда не позабудем.

Разнесем во все концы
наше доброе веселье.
И в шампанском промокнем
с Новым годом новоселье.

Пушисто-белый снег

Смотрю на снег пушисто-белый
и вижу твой лукавый взгляд.
С твоим виденьем скороспелым
готов устроить перегляд.

Но ты скрываешься в снежинках
как искрометная звезда.
И лишь на миг твоя смешинка
в глазах всплывает иногда.

Я вновь иду на свежий воздух,
вдыхаю юный снегопад.
И, несмотря на зрелый возраст,
стоять под снегом очень рад.

Он мне дает глоток надежды
на бесконечные года.
Я вновь увижу взгляд твой нежный
и не оставлю никогда.

Роль Дедушки Мороза

Роль Дедушки Мороза
я в Новый год сыграл.
А внучек мой любимый
мне скромно подыграл.

Узнал меня он сразу
под ватной бородой.
Не выдал даже взглядом
мой маленький герой.

Он шумно веселился,
со мною песни пел.
И даже в пляс пустился
мой солнечный пострел.

Да для такого внука
я все готов свершить —
и в детство окунуться,
и старость пережить.
Пускай растёт мой ангел
под небом голубым.
А я теплом украшу
покой его судьбы.

Голубое небо

Над Петербургом нет ни облачка, ни тучки.
Лучами солнышко ласкает купола.
Они улыбки раздают с высокой кручи,
и от улыбок вся округа расцвела.

Искрится снег в тиши Михайловского сада.
Играют зайчики на льдинках у Невы.
И Летний сад сверкает золотом ограды.
И то сверканье достигает синевы.

Так проявились петербургские красоты
перед раскрывшимся величием небес.
И люди молятся безоблачным высотам,
пока их снова не закрыл дождливый бес.

Время новых мечтаний

Перевернул еще одну страницу
в своей поэме отшумевших лет.
Исчезла в небе старая зарница,
а вместе с ней былых мечтаний след.

Но будоражат новые мечтанья,
на свет выходят новые стихи.
В них не найдешь ни чиновочитанья,
ни резких слов о резвости стихий.

Зато любовь купается в объятьях,
струится нежность с возбужденных уст.
Несется в мир нектар рукопожатья,
которым я излечиваю грусть.

Первая любовь

Первый робкий поцелуй,
нежное касание.
Перед ним десятки лун
в нервном ожидании.

Перед ним десятки фраз,
сказанных в беспамятстве.
И волненье каждый раз
при реальной памяти.

От разлук иные дни
были наказанием.
Но пробилось из груди
первое признание.

Первый робкий поцелуй,
нежное касание...
...Скрыл следы зеленый луг
взрослого свидания.

Ночное приключение

Ночь прокралась из-за леса,
Мишкин дом уснул.
Дед волшебный в поднебесье
звездочкой мигнул.
Разбудил волшебник Мишку
сполохом звезды.
Взял наш Мишка в руки книжку,
взял без суеты.
Развернул в тиши страницу
и увлекся так,
что читаемые птицы
взмыли на чердак.
А читаемые звери
встали со страниц
и пошли к открытой двери,
чтоб спуститься вниз.
Разбрелись они по дому,
и давай шуметь.
Волк озвучил страшный гомон,
зарычал медведь.
Гусь с лисой сошлись в дуэте,
крокодил притих.
Белый заяц стал поэтом
и озвучил стих.
Раззадорились лягушки
и пустились в пляс.
Встали Мишкины игрушки —
вы примите нас.
В общем, в доме приключился
полный кавардак.
Мишка страшно разозлился
и схватил башмак.
Но волшебный дед от двери
подмигнул звездой.
И вернулись птицы, звери
в книжку на постой.
И сказал волшебник Мишке —
ты с умом читай,
а то выскочит из книжки
злостный негодяй.
И зацikliшься ты, Мишка
на плохих делах.
Напрягай же свой умишко,
все в твоих руках.

Как жаль, что первые стихи...

Как жаль, что первые стихи не смог я сохранить.
Нещадно рвал их на куски, старался позабыть.
А в тех стихах пылал пожар не детского огня,
и гейзер искренней любви фонтанил из меня.

Быть может, были те стихи наивными порой,
но я готов был до конца стоять за них горой.
На острословов и лгунов обиды не таил,
но покушение на любовь без драки не сносил.

Живые строки находил я в маминых глазах.
Ее душевное тепло не раз воспел в стихах.
Писал про ветхое крыльцо и опустевший двор.
Пытался время торопить судьбе наперекор.
И не заметил, как прошел пик юношеских дней.
Взлекая новую мечту, я поспешил за ней.
А распростившись впопыхах с родительским гнездом,
оставил первые стихи и начатый альбом.

Святая амфора печали...

Святая амфора печали
еще не выпита до дна.
Ведь мы с тобой недоскучали
на склоне прожитого дня.

Ведь мы с тобой недолюбили,
недоласкались в поздний час.
Не все желания случились,
не все ценилось без прикрас.

Еще не все романсы спеты
у разведенного костра,
а песня – добрая примета
начать все с чистого листа.

Две свечи

Свеча за здоровье горит.
За упокой свеча погасла.
Небесный ангел божьим гласом
с моей душой говорит.

И плачет робкая душа
под чистым гнетом сущей правды.
И нет целительней награды
ту правду слушать, не спеша.

Вкусив ее, я смог понять,
что жизнь – не заданная тема
и не набор стандартной схемы,
а плод душевного огня.

И вспылала та свеча,
что преждевременно погасла.
Какое чудное причастье
под божьим ликом помолчать.

Рождественская горка

Под ногами снег искрится,
смотрит горка сверху вниз.
Мол, попробуй прокатиться
и не падай в страхе ниц.

Ярко-красные ватрушки
предлагаются на час.
Эй, сестренки и братушки,
мы надеемся на вас.

Неудобно отказаться,
показать свою боязнь.
И в сугробе оказаться
наслажденье, а не казнь.

Забираемся на горку,
прикрываем спешкой дрожь.
Напрягаем песней горло,
нам скатиться невтерпеж.
И летит за нами следом
наш задорный звонкий смех.
Вот и новый непоседа
тешит мысли на успех.

А коварные сугробы
поджидают смельчака.
Но не скис он с первой пробы,
выдал с горки трепака.

Раззадорилась и горка,
посмотрела сверху вниз.
И с улыбкой, без разборки
наш исполнила каприз.

Полетели мы гурьбою
под приглядом ветерка,
громко радуясь судьбою
и боясь наверняка.

После праздника

Новый год пришел на место
с голубого полотна.
Елка брошенной невестой
притулилась у окна.

Отшумели хороводы
под разлапистой красой.
Рыжий кот под елкой бродит,
он до веток сам не свой.

Осыпаются иголки
под ударом мягких лап.
Горько слышать нашей елке
вместо песен только храп.

Не блестят на ней гирлянды,
не сверкают огоньки.
А от хвойного наряда
голых веток стебельки.
Ничего тут не поделать,
уж такой у елки век.
Но зато глотком веселья
насладился человек.

Отшумели праздники...

Отшумели праздники,
отшутились святки.
Я почуял разницу,
встав не с этой пятки.

Может быть, обрящется
в старом, Новом годе.
Но уже не спляшется
в дружном хороводе.

Брызги от шампанского
так уже не взвеют.
От подарков бантики
временем развеет.

Новая страница

Раскрылась новая страница
в моем житейском дневнике.
В него стучатся те же лица.
Я их встречаю налегке.

Застыла праздничная рифма,
а рифма будней не пришла.
И нет простого алгоритма,
чтоб возродить мои дела.

Прошу у неба вдохновенья
и упираюсь в облака.
Придет ли новое творенье?
Возьмет ли слог моя рука?

Скопилось множество вопросов
в моей поникшей голове.
Я тешу мысль банальной прозой
взываю Музу на совет.

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Прокатиться бы на дровнях
по нехоженой меже.
На заснеженном подворье
извальяться б в неглиже.

Посетить парную баньку,
да на камушки плеснуть.
Разомлевшую смуглянку
теплым веничком хлестнуть.

После сладостной парилки
окунуть ее в любовь,
чтоб расслабились поджилки,
чтоб не стыла в жилах кровь.

На завалинке холодной
посекретничать с луной.
Что нам зимняя погода,
если завтра выходной.

Лось и заяц

В лесной чащобе жил зайчонок,
ушел из дома он спросонок.
Любого кустика пугался,
при каждом шорохе терялся.

Когда увидел морду лисью,
пытался он с сугробом слиться,
Но хитроумную плутовку
не отвлекла его уловка.

Она направилась к сугробу,
пытаясь взять его на пробу.
Зайчонок наш не растерялся,
к чащобе ельника помчался.

А от лисы не так-то просто
сбежать по насту снежных просек.
Ее дыхание все ближе,
она уже зайчонка лижет.
Но из чащобы вышел лось,
он здесь хозяин, а не гость.
Зайчонок прыгнул под лося,
всем видом помощи прося.

Почуял лось свое значенье,
рогами дал предупрежденье.
Лиса покинула свой пост,
исчез за елкой рыжий хвост.

Вот так решительность лося
зайчонка нашего спасла.
Теперь они живут в лесу
и не пугаются лису.

Как короток зимою день

Как короток зимою день
с его недолгим бликом солнца.
Когда зеваётся спросонья
и клонит в сон любую тень.

И только тысячи огней
ночную мглу отодвигают.
От их лучей снежинки тают,
и оттого они ценней.

И оттого милей закат,
что отдаёт багряным светом.
Природой пишутся сонеты,
которым я безмерно рад.
Но я скучаю по весне,
зовущей белыми ночами.
Когда свиданье со свечами
меня волнует лишь во сне.

А наяву не спит Нева,
и я не сплю в свечений ночи.
Люблю без темных полномочий
и без желания зевать.

Скорее в реальность

Из виртуальности скорее выходи,
открой окно в цветущую реальность.
Соблазном кликов свою душу не губи
и не меняй творенье на банальность.

В тени родных берез свободой подыши,
согрей в руках реальную букашку.
В краю лесных озер подвоха не ищи,
ну, а в лугах найди свою ромашку.

Созрей испить из родника живой воды,
оставь в горах биение испуга.
И бог учтет твои реальные труды,
благословит, как истинного друга.

В пивную

Чтоб на ромашках не гадать,
пойду в знакомую пивную.
Глотну с устатку четвертную,
залью желание страдать.

На мир сквозь кружку посмотрю,
запью пивком соленость воблы.
Почую дух беспечной воли
и эпиграмму сотворю.

Ну, что поделать, если дух
кричит дыханием сатиры.
Я с ним готов смешить полмира,
но только мир к сатире глух.

Давай, приятель по одной,
хоть ты моим словам внимаешь
и за бутылкой понимаешь,
что дух пивной еще не дно.

Блажен, кто верует...

Блажен, кто верует, а так ли счастлив он.
Его душа подвержена внушенью.
И без недостатка права на сомненье
блаженный отрок в жизни обречен.

Уж больно много в мире развелось
простых шакалов в образе пророка.
Одни страшат геенною до срока,
других в нирване видеть довелось.

И накрывает смрадная волна
людские толпы якобы блаженных.
И видит зло свое отображенье
на их делах, которым грош цена.

Удивительное начало

Как твою головку излечить?
Как души сомненья успокоить?
Я имею право лишь любить,
ты его должна бы узаконить.

Ты должна тревогу исключить,
к берегу счастливому причалить.
Музыка волшебная звучит
в нашем удивительном начале.

Воспоминание о лете

В прохладе северных широт
на ум приходит зной Анапы.
Под сенью пальмовых красот
я любовался Белой шляпой.

Потом с любимой выходил
на берег галечного пляжа.
В купании душу отводил,
питался солнышком палящим.

И слушал ласковый прибой,
прижавшись к жаждущему телу.
И дрожь манила за собой,
большой любви душа хотела...

...Но вдруг напомнил о себе
прохлады северный проказник.
Погода просит потерпеть,
не за горами южный праздник.

Доколь Земля носить нас будет?

Доколь Земля носить нас будет
и доверительно терпеть?
Когда вселенский гнев разбудит,
чтоб отомстить за бездну бед?

Уж сколько лет ее шпигуем
Снарядно – бомбовым дерьмом.
Взрываем степи и ликуем,
как будто тронуты умом.

Приводим реки к истощенью,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.